

А.М. Либман

Институт экономики РАН, Москва

Есть ли место политэкономии в современной экономической науке? (Конференция НЭА и ИЭ РАН)

Наверное, одной из позитивных черт современной российской экономической науки (при всех ее многочисленных проблемах) является повышенное внимание к методологическим дискуссиям. Похоже, это неизбежно: немало российских исследователей, причисляющих себя к сообществу экономистов, исходно готовились к работе в «совсем другой» науке и достаточно неуютно чувствуют себя в мейн-стриме современной экономической мысли. Отсюда и поиски разнообразных «исследовательских ниш», которым в какой-то степени была посвящена состоявшаяся в Институте экономики РАН двухдневная конференция и которые часто связываются с понятием «политическая экономия». Впрочем, в данном случае «поиск альтернативы» имеет и вполне конкретное прикладное содержание: формальным поводом для организации конференции стало создание в ИЭ РАН сектора политической экономии и обсуждение его исследовательской программы. С этим и связана структура конференции, состоявшей из «круглого стола» и четырех секций. Если на первом обсуждалась собственно программа нового сектора, то секции концентрировали внимание на четырех проблемах: «Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции», «Переоценка советской политической экономии», «Старое и новое проблемное поле политической экономии» и «Новая политическая экономия».

Перечислим основных участников. С пленарным докладом на «круглом столе», представлявшим основное содержание программы сектора, выступили М.И. Воейков (ИЭ РАН) и А.И. Колганов (МГУ и ИЭ РАН); дискуссантами выступали А.Д. Некипелов (Президиум РАН), В.И. Маевский (ИЭ РАН), Р.М. Нуреев (ГУ ВШЭ), В.Т. Рязанов (СПбГУ), Л.Д. Широкоград (СПбГУ) и В.А. Медведев (ИЭ РАН). На первой тематической секции с основными докладами выступили А.И. Колганов, Г.Д. Гловели (ИЭ РАН и ГУ ВШЭ) и В.Т. Рязанов; дискуссантами являлись Н.А. Макашова (ГУ ВШЭ) и П.Н. Клюкин (ГУ ВШЭ и ИЭ РАН). Докладчики второй секции – В.А. Медведев, Ю.Я. Ольсевич (ИЭ РАН) и Л.Д. Широкоград, дискуссантом был М.И. Воейков. На третьей секции

с докладами выступили А.А. Пороховский (МГУ), О.И. Ананьин (ИЭ РАН и ГУ ВШЭ) и Р.Г. Хаиткулов (ГУ ВШЭ), дискуссантами были И.А. Болдырев (ГУ ВШЭ) и В.Т. Рязанов. Наконец, на последней секции обсуждались доклады Р.М. Нуреева и автора настоящего обзора.

Уже сама постановка вопроса (а также тематика «круглых столов») не могли не вызывать определенных опасений. Во-первых, вполне возможным было ожидать апологетическое восхваление «старой», или «классической», политической экономии (то есть, попросту говоря, несколько модифицированной версии той экономической науки, которая преподавалась в Советском Союзе). Во-вторых, в России нередки попытки эксплицитного построения особой, «отечественной» исследовательской школы, противопоставляющейся мировой науке. Однако заслужившей и организаторов конференции (привлекших очень широкий круг докладчиков с разнообразными взглядами и подходами), и создателей нового сектора политэкономии можно считать, что ни одно из перечисленных опасений не оправдалось. Наоборот, двумя основными линиями конференции можно считать готовность к открытой и жесткой научной дискуссии и стремление к интеграции с мировым научным сообществом (конечно, в силу тематики речь идет прежде всего о неортодоксальных экономистах) – а именно такой подход можно считать идеальной отправной точкой для обсуждения проблем методологии экономической науки. Конечно, подобная позитивная оценка касается далеко не всех выступлений, но все же большинства из них.

Если попытаться определить основные темы, рефреном проходящие через всю дискуссию конференции, наверное, прежде всего следует выделить вопрос о том, что, собственно говоря, представляет собой «политическая экономия». Противоречия в этой области проявились уже в рамках «круглого стола», модератором которого выступил первый заместитель директора ИЭ РАН, руководитель научного направления «Теоретическая экономика» А.Я. Рубинштейн. Сама программа сектора, предлагающая так называемую «постклассическую» политическую эконо-

номии, основное внимание уделяла описанию принципиальных сдвигов в организации мировой экономики и политики (в этом отношении сближаясь, скорее, с макросоциологическими концепциями, интересующимися подобным «взглядом с высоты орлиного полета»), т.е. скорее пыталась дать своеобразное «негативное» определение политической экономии (через темы, которыми стандартная экономическая теория, по мнению авторов программы, не занимается). Еще одна трактовка той же концепции прозвучала уже в выступлении заведующего нового сектора, М.И. Воейкова: «Экономикс объясняет, как это [экономические процессы. – А.Л.] делается, а политэкономия... объясняет, почему это делается и зачем это делается», что может означать повышенный интерес к экономическим идеологиям¹, но в любом случае нуждается в уточнении.

Однако последующая дискуссия оказалась гораздо более скептически настроенной по отношению к перспективам особых политико-экономических исследований. Общим лейтмотивом выступлений большинства дискуссантов – В.И. Маевского, А.Д. Некипелова, Р.М. Нуреева и Л.Д. Широкограда можно считать утверждение о том, что «политэкономия» является на самом деле синонимом экономической науки на определенном этапе ее развития (а политэкономией реально существует множество). Соответственно, любой новый проект на этом поле должен четко дистанцировать себя от других теоретических подходов в экономической науке, не ограничиваясь констатацией сдвигов в организации экономической жизни (или просто использованием термина «политэкономия» как такового). Р.М. Нуреев и В.Т. Рязанов отметили и другую проблему политэкономии в том виде, в котором она была представлена создателями программы, – непроясненность ее отношений с марксизмом (с одной стороны, марксистские корни программы достаточно очевидны, а с другой – «постклассическая политэкономия» разновидностью марксизма себя не объявляет). В.И. Маевский, наконец, отмечает существование проблем операционализации политической экономии для конкретных исследований. В дни работы конференции прозвучало немало других вариантов определения концепции политэкономии. Например, О.И. Ананьин в качестве основных элементов поля потенциальной политэкономии выделил исследование перераспределительных конфликтов и внимание к долгосрочным тенденциям. В другом сво-

ем выступлении он отметил возможные связи политэкономии с «искусством экономической политики». Приведенный перечень примеров можно было бы продолжить.

На наш взгляд, подобная разногласия неизбежна в силу самой постановки проблемы. В истории экономической мысли, безусловно, существуют научные направления, возникшие как целостный проект с заранее очерченными границами. Однако гораздо чаще исследователи концентрировали внимание на формулировке конкретных концепций и подходов для решения конкретных познавательных проблем и поиске круга единомышленников, которые уже *ex post* получали (часто от внешних наблюдателей) тот или иной «ярлык», подобный, например, ордолиберализму или новой экономической истории. Поэтому сама постановка вопроса о «месте политической экономии» в экономической науке вызывает сомнения. «Экономическая наука» (и «политэкономия») – это, в конце концов, лишь то, что экономисты договорились считать «политэкономией» или «экономической наукой». Поэтому гораздо более плодотворной могла бы оказаться дискуссия, основанная на обсуждении конкретных методологических приемов или полученных с их помощью результатов, особенно при сопоставлении с другими подходами и направлениями.

К сожалению, в этом отношении дискуссия на конференции во многом стала отражением достаточно характерной для российской науки ситуации: не менее неопределенным, чем понятие «политическая экономия», является и восприятие российскими экономистами стандартной экономической науки. Как нам представляется, практически каждый выступавший на конференции основывал свои обсуждения на своей картине состояния мировой экономической мысли, во многих случаях серьезно отклонявшейся от реального состояния последней. Например, на конференции докладчики, минимум дважды, уделяли большое внимание критике анализа производственной эффективности в неоклассике на основе изоквант и изокост. Между тем, хотя последние и занимают важное место в учебниках вводного уровня, такой упрощенный подход не имеет никакого отношения к реальному фронту науки, т.е. работам, которые публикуются в ведущих журналах (не говоря уже о том, что современная мировая экономическая мысль заметно шире анализа производства). В какой-то степени появление подобных кривых зеркал современной мировой науки

¹ Насколько нам известно, именно этой точки зрения на предмет политической экономии придерживается журнал «New Political Economy».

неизбежно с точки зрения постановки вопроса: в попытке дать нетривиальное описание современной экономической науки методологи неизбежно вынуждены искать «общие тенденции» и упрощать многообразные позиции экономистов. Однако поможет ли это методологу, стремящемуся найти свою нишу в структуре современного рынка идей?

Точно так же, за исключением выступления В.А. Медведева, практически незатронутой осталась проблема границ социологии и политической экономии. Между тем уже сами авторы концепции сектора в основном цитировали не экономистов, а социологов. Если вспомнить, что на факультетах социологии в мире марксизм также занимает достаточно влиятельные позиции, возникает вопрос, стоит ли в России, упрощенно говоря, именовать «политической экономией» то, что на Западе называется «социологией».

Проблема разнородности политической экономии оставалась и в центре внимания первой тематической секции, посвященной российским интеллектуальным традициям в этой области. Доклад Г.Д. Гловели и комментарий П.Н. Клюкина были посвящены многообразию российской экономической мысли в дореволюционный период и сложностям ее взаимосвязей с Западом. При этом Г.Д. Гловели четко показал необходимость анализа и изучения досоветской политической экономии в России лишь в общемирном интеллектуальном и идеологическом контексте (что и отражает название его доклада «Россия – не родина политэкономов»). Критический комментарий Н.А. Макашевой, которая сосредоточила внимание на сложностях обособления собственно научной дискуссии в российской экономической мысли того времени (и, на наш взгляд, переключается по содержанию с монографией Й. Цвайнерта²), дополняет картину, с одной стороны, богатства исследовательских традиций (в том числе и в таких специфических областях исследований, как аграрная экономика), а с другой, – неоднозначного реального вклада тех или иных исследователей и направлений.

Секция «Переоценка советской политической экономии», на наш взгляд, оказалась наиболее неоднозначной. Выводы докладчиков оказались в чем-то различны, а в чем-то схожи: В.А. Медведев полагает, что советская политическая экономия (и в особенности политическая экономия социализма) «прежде всего, поучительна своими заблуждениями и ошибками, но не только этим». Ю.Я. Ольсевич,

по сути дела, утверждает, что советская политическая экономия была построена «по идеологическим и политическим лекалам из блоков, имеющих реальное историческое (а следовательно, научное) содержание» – т.е. отдельные конкретные выводы теории на самом деле вполне применимы для описания человеческого поведения в целом. Л.Д. Широкоград, наконец, однозначно свидетельствует о том, что политэкономия социализма представляет собой искуственный идеологический конструкт, созданный коммунистической партией. По его мнению, лишь те разработки советских экономистов, которые осуществлялись в сравнительно далеких от идеологии областях (скажем, специальные методы), могут представлять сегодня интерес.

Иначе говоря, консенсус (с которым трудно не согласиться любому непредубежденному наблюдателю) состоит, наверное, в том, что политэкономия социализма, созданная в СССР, как целостная конструкция едва ли представляет сегодня самостоятельную научную ценность в результате чрезмерного давления идеологии. Вопрос состоит лишь в наличии в ней отдельных подходов и положений, важных для современного исследователя. И в этом вопросе докладчики высказали различные точки зрения. Здесь, как нам кажется, следует выделить еще один ракурс, который (уже в силу отмеченных нами ранее проблем дискуссии) должного отражения пока не получил: важно не только оценить корректность и применимость разработок советских политэкономов, но и их ценность *по сравнению со стандартной экономической теорией* (это же, кстати сказать, касается и дореволюционной экономической мысли). Для историка экономических учений любой подход и любая школа представляют интерес сами по себе как объект исследования. С этой точки зрения изучение советской политэкономии – вполне достойная задача, она усложняется тем, что советские экономисты пытались излагать свои мысли эзоповым языком (реальных или приписываемых им *ex-post* в настоящее время). Однако для «стандартного» экономиста дискуссии о выводах ушедших в небытие научных школ важны лишь постольку, поскольку они дают дополнительные выводы и идеи, отличные от «стандартного» теоретического инструментария. Конечно, утверждать, что «интеллектуальная археология» не способна выявить подобные выводы и идеи, было бы неверно – в этом и особенность общественных наук со свой-

² Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

ственными ими «циклами забвения». Но выявить необходимо именно «добавленную стоимость» по сравнению с современной наукой, а не просто «корректность» и «интересность» выводов самих по себе³.

На третьей секции доклад О.И. Ананьина был посвящен определению эволюции предметного поля политической экономии. В основе доклада лежит сопоставление трех условно выделяющихся школ экономической мысли, дифференцирующихся с точки зрения двух критериев: онтологии исследования – идет ли речь об «исследовании общественного продукта» (и всего, связанного с его формированием и распределением) или механизмов индивидуального выбора, – и соотношения *ex-ante* и *ex-post* анализа. *Классическая политэкономия* представляет собой сочетание *ex-ante* анализа и «исследования общественного продукта», *маржиналистская теория* – *ex-post* анализа и механизмов индивидуального выбора, а *кейнсианство* – *ex-ante* анализа и «исследования продукта». Перспективы для политической экономии, по мнению Ананьина, связаны именно с теми вопросами и подходами, которые были «утрачены» в процессе «вытеснения» классической политэкономии маржинализмом, а также с интеграцией с четвертой группой подходов – институциональным направлением, концентрирующим внимание на «специфике места и времени» в экономических процессах. На этой же секции был представлен доклад Р.Г. Хаиткулова, посвященный малоизвестному в России феномену аналитического марксизма.

Наконец, последняя секция конференции, посвященная новой политэкономии, разительно отличалась от всей конференции – и по формату, и по направлению дискуссии. Оба представленных доклада (Р.М. Нуреева и автора настоящей рецензии) основное внимание уделили не столько методологической дискуссии (хотя она, конечно, сыграла немаловажную роль при обсуждении этих работ), сколько представлению конкретных результатов – анализу роли административного ресурса в России (преимущественно на основе данных электоральной статистики) и сопоставлению роли административных и культурных факторов в фрагментации экономики Китая.

И такая ситуация неудивительна. Можно спорить о существовании преемственности или связи между «классической» и «новой политэкономией» (по мнению Р.М. Нуреева, она присутствует, а А.А. Пороховский полагает, что они никак не связаны между собой), очевидно одно – «новая политэкономия» (или, точнее, то направление, которое принято называть *political economics*, – «новых политэкономий» также существует множество, особенно если принять во внимание политологические работы) является четко очерченной областью активных *конкретных* исследований и разработок, занимающей достойное место в мировой науке и не нуждающейся в поиске собственной исследовательской ниши.

Подведем итоги. Конференцию «Есть ли место политэкономии в современной экономической науке?», вне всякого сомнения, можно считать удачной. Во-первых, с точки зрения истории экономической мысли и методологии экономических исследований, многие рассмотренные на конференции проблемы и вопросы заслуживают дальнейшего детального изучения и обсуждения. Конференция показала, сколь многочисленны пробелы нашего знания о досоветской и советской экономической науке в России. Во-вторых, конференция, как говорилось выше, замечательна тем, что на ней *не* прозвучало, – и может поэтому рассматриваться как определенный признак позитивных изменений в формате дискуссии в российской экономической науке. Можно ли при этом говорить, что по итогам конференции была сформулирована целостная и непротиворечивая программа исследований в области политической экономии? На наш взгляд, пока это было бы преждевременно. Тем не менее характер дискуссии показал, что в еще одном сегменте российских ученых-обществоведов – людей, традиционно считающих себя политэкономными, а с точки зрения мировой дискуссии близких, скорее, к отдельным направлениям макроэкологии (сформировавшимся под влиянием марксистской традиции) или критической политической экономии, – существует потенциал исследований, которые могут быть вписаны в мировой научный контекст.

Поступила в редакцию 05 декабря 2010 года.

³ В этой связи следует упомянуть комментарий М.И. Воейкова, относящего к представителям политэкономии социализма Людвиг фон Мизеса, действительно уделившего большое внимание пониманию функционирования социалистической экономики. Конечно, речь идет о совсем другой политэкономии социализма, чем практиковавшаяся в СССР, но все же термин сам по себе вполне оправдан.